

A detailed illustration of a woman with long, dark hair and purple highlights, wearing a dark purple, long-sleeved gown. She holds a glowing, purple, crystalline orb in her right hand and a dark blue book with a circular emblem on the cover in her left. The background is a magical night scene with a crescent moon, a starry sky with constellations, a castle on a hill, a waterfall, a stone bridge over a river, and a village with lit windows. The overall atmosphere is mystical and enchanting.

Позднее волшебство

Надежда Суворова

Надежда Суворова

Позднее волшебство

<https://litres.ru/74024058>

SelfPub; 2026

Аннотация

Виолетте сорок один. У неё есть работа, дом, привычные заботы и кошка Малина, чьё молчаливое превосходство давно стало частью быта. Всё меняется в вечер, когда Малина шипит на шкаф, а за дверцей на мгновение открывается коридор, которого не может быть.

Так Виолетта попадает в Академию позднего волшебства — место, где магия приходит не к детям, а к тем, кто уже научился жить без чудес.

Но поздний дар не прощает равнодушия, а Академия хранит слишком много тишины. И прежде чем Виолетта поймёт, чему её хотят научить, ей придётся решить, кому можно доверять в мире, где забота слишком часто похожа на контроль.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Надежда Суворова

Позднее волшебство

Глава 1

Малина шипела на шкаф.

Для кошки её возраста и положения это было почти неприлично. Обычно Малина не шипела. Она смотрела. Иногда медленно моргала, и человеку становилось стыдно за всё сразу: за грязную чашку на столе, за поздний ужин, за плохо выбранные слова и за сам факт принадлежности к человеческому виду.

Но сейчас она стояла в прихожей на всех четырёх лапах, серая, плотная, круглая, как маленькая гроздовая туча, и шипела в узкую щель между дверцами старого платяного шкафа.

Виолетта остановилась на пороге, не успев снять пальто.

— Я тоже рада тебя видеть.

Кошка даже не повернула головы.

Это было уже серьёзно.

В квартире стояла обычная вечерняя тишина. За окном шуршали по мокрому асфальту машины. В кухне тикали часы. Где-то в стене глухо прошла вода. Ничего не падало, не скреблось, не пищало. Дом вёл себя как дом после длинного

дождливого дня: устало, мирно и немного раздражённо.

Шкаф, однако, выглядел так, будто за ним кто-то стоял.

Не то чтобы это имело смысл. Шкаф был высокий, тяжёлый, сделанный на заказ и плотно придвинутый к стене. В нём висели пальто, платья, рубашки, несколько шарфов и чехол с зимним пуховиком, который Виолетта не любила, но уважала за честную службу в морозы. За шкафом не могло быть никого, кроме пыли и, возможно, одной давно потерянной серьги.

Малина снова зашипела.

— Если там мышь, мы обе будем разочарованы, — сказала Виолетта. — Я потому, что придётся решать проблему. Ты потому, что всё окажется слишком просто.

Кошка прижала уши.

Виолетта поставила сумку на банкетку, стянула перчатки и подошла ближе. Ей был сорок один год, и она давно не верила, что пугающие вещи исчезают, если долго на них не смотреть. Обычно происходило наоборот. Строишь — и выясняется, что это не мистика, а плохо закрытое окно, чужая небрежность, ошибка в документах, проводка, сырость, усталость или чья-то просьба срочно посмотреть одним глазом.

Жизнь чаще всего была не таинственной. Она была плохо организованной.

Виолетта взялась за ручку шкафа.

Дерево оказалось холодным.

Не просто прохладным, как бывает у мебели в прихожей. Холодным глубоко, будто ручка не висела в квартире, а много лет пролежала в подвале старого дома, куда не доходят ни солнце, ни человеческие голоса.

Виолетта убрала руку.

Малина наконец повернула к ней голову. Янтарные глаза были широкими, тёмными и слишком внимательными.

— Ну, — сказала Виолетта. — Это уже невоспитанно.

Она снова взялась за ручку и открыла левую дверцу.

В шкафу не было одежды.

За дверцей начинался коридор.

Узкий, каменный, уходящий вниз, хотя за шкафом должна быть стена соседней комнаты. По бокам висели синие огни. Не лампы, не свечи, не гирлянды. Просто холодные светящиеся точки, неподвижные в воздухе. Пол был выложен тёмными плитами, между которыми рос мох. Оттуда пахло влажным камнем, воском, старой бумагой и чем-то зелёным, живым, как земля после дождя.

Виолетта не закричала.

Она закрыла дверцу.

Постояла несколько секунд.

Открыла снова.

В шкафу висели пальто, платья, рубашки, шарфы и чехол с зимним пуховиком.

Малина смотрела снизу вверх.

— Так, — сказала Виолетта. — Это, конечно, интереснее

мышы.

Кошка не оценила.

Виолетта достала телефон. Экран загорелся спокойным будничным светом. Двадцать один тридцать четыре. Два рабочих сообщения. Одно письмо от заказчика. Реклама доставки продуктов. По мнению телефона, мир продолжал существовать в прежнем режиме.

Она включила камеру, снова распахнула дверцу шкафа и навела объектив.

Одежда.

Закрыла. Открыла.

Одежда.

— Отлично, — сказала Виолетта. — Галлюцинация с хорошей отделкой и чувством такта.

Она не любила паниковать. Паника редко помогала, зато всегда требовала времени. А времени у Виолетты почти никогда не было. Завтра утром ей нужно было ехать на объект: старый особняк, спорное заключение, комиссия, люди, которые произносили слово «реконструкция» так, будто оно само по себе оправдывает разрушение. Дома ждали неразобранные документы, недописанный отчёт и кошка, которой пора ужинать. Если мир решил открыть в её шкафу каменный коридор, миру следовало подождать хотя бы до выходных.

Виолетта пошла на кухню.

Малина не пошла за ней.

Это было хуже, чем коридор.

На кухне горела тёплая лампа над столом. Всё выглядело до обидного нормально: чайник, чашка, блюдо с двумя сухими печеньями, аккуратно сложенное полотенце, растение на подоконнике, которое Виолетта спасала уже третий месяц и упрямо называла не безнадёжным, а задумчивым.

Она достала корм, вымыла миску, открыла банку и поставила её на пол.

Обычно в эту секунду Малина появлялась бесшумно и величественно, как представитель древней династии, прибывший принять положенную дань.

Сейчас в кухне никто не появился.

— Малина.

Ответа не было.

Виолетта вернулась в прихожую.

Кошка сидела перед зеркалом.

Зеркало было обычное, прямоугольное, в тёмной раме. Виолетта купила его несколько лет назад именно потому, что оно ничего из себя не изображало: не притворялось старинным, не искажало лицо, не делало прихожую похожей на гостиничный холл. В нём должны были отражаться шкаф, дверь, тёплый свет из кухни и сама Виолетта в мягком сером свитере, с влажными после дождя тёмно-русыми волосами, в которых среди обычных прядей были видны фиолетовые.

Сейчас в зеркале отражалась не прихожая.

Там был зал.

Высокий, полутёмный, с длинными окнами, за которыми висело небо невозможного цвета: густо-синее, почти чёрное, с крупными неподвижными звёздами. По залу шли люди. Женщины в тёмно-фиолетовых платьях, мужчины в тёмно-фиолетовых костюмах. Все двигались быстро и спокойно, будто знали расписание, которого Виолетта не видела. У одной женщины над ладонью плыл огонёк. Мужчина нёс под мышкой толстую книгу, обвязанную ремнём. По полу, не касаясь его, скользнуло белое существо с длинными ушами и двумя тенями.

Виолетта шагнула ближе.

В зеркале остановилась женщина с серебристой заколкой в волосах.

Она посмотрела прямо на Виолетту.

Не на своё отражение. На неё.

Малина издала низкий, глухой звук.

Женщина в зеркале подняла руку и коснулась стекла с другой стороны.

По прихожей прошёл холод.

На поверхности зеркала проступили буквы. Они не были написаны. Скорее появились изнутри, как трещины во льду.

Виолетта прочитала медленно.

«Ваш поздний дар пробудился.

Фамильярная связь активирована.

Самовольное пребывание в мире людей до первичного обряда запрещено.

Ожидайте сопровождающих».

Виолетта прочитала всё один раз. Потом второй.

— Нет, — сказала она.

Буквы остались на месте.

— Нет, — повторила Виолетта твёрже. — Я никого не ожидаю.

В зеркале кто-то прошёл за спиной женщины. Раздался далёкий хлопок двери, потом приглушённые голоса. Женщина с серебристой заколкой обернулась, что-то сказала, снова посмотрела на Виолетту.

Стекло дрогнуло.

Виолетта сделала то, что сделал бы любой здравомыслящий человек, у которого зеркало внезапно стало служебным окном в неизвестную организацию.

Она сняла его со стены.

Зеркало было тяжёлым, но Виолетта справилась. Аккуратно, без суеты, поставила его лицом к стене.

Буквы погасли.

Малина смотрела на неё с явным неодобрением.

— Что? — спросила Виолетта. — Мне надо было предложить им чай?

Кошка открыла рот.

И Виолетта услышала голос.

Не в комнате.

В голове.

Отчётливый, сухой и недовольный.

— Поздно.

Виолетта медленно повернулась к Малине.

Кошка сидела у её ног и смотрела так, будто давно знала правду, но считала преждевременные объяснения ниже своего достоинства.

— Это была ты?

Малина облизнула лапу.

— Кто ещё здесь обладает достаточным здравым смыслом?

Виолетта молчала.

Секунду. Другую.

Потом сказала:

— У меня завтра комиссия.

— У тебя только что в шкафу был коридор.

— Именно поэтому комиссия кажется мне особенно понятной.

Кошка села ровнее.

— Они придут.

— Кто они?

— Те, кто уже идёт.

— Ты говоришь.

— Наконец-то мы добрались до очевидного.

Виолетта прислонилась плечом к стене.

Она могла бы рассмеяться. Наверное. В другой ситуации. Но смех не шёл. Происходящее было слишком последовательным для сна и слишком аккуратным для безумия. Гал-

люцинации, насколько ей было известно, не сообщают административным тоном о запрете самовольного пребывания в мире людей и не превращают кошек в язвительных собеседников.

— Давно?

— Что давно?

— Ты умеешь говорить.

— С тобой нет. С миром давно.

— Прекрасно.

— Не обижайся. Люди слышат только то, что готовы выдержать.

— А сейчас я готова?

— Нет. Но времени нет.

В кухне разбилась чашка.

Звук был резкий, белый, неприятный. Виолетта вздрогнула. Малина вскочила так быстро, будто её подбросили.

Они обе бросились на кухню.

На полу лежали осколки. Чашка стояла на верхней полке, откуда сама упасть не могла. Но не это заставило Виолетту остановиться.

Вода из крана текла вверх.

Тонкая прозрачная струя поднималась из раковины к смесителю и исчезала в металлическом носике. В чайнике что-то тихо постукивало, хотя он был выключен. Лампа над столом мигала ровно три раза, гасла и снова вспыхивала. Магниты на холодильнике дрожали, перестраиваясь в круг.

Из круга выпал маленький конверт.

Он не упал. Повис в воздухе на уровне груди.

Виолетта не протянула руку.

Конверт сам раскрылся.

Лист развернулся перед ней. На нём была тёмно-фиолетовая сургучная печать: закрытый глаз и ключ.

Строки проявились одна за другой.

«Виолетта.

В связи с пробуждением позднего дара, нарушением Завесы и установлением фамиллярной связи вы зачислены в Академию позднего волшебства.

Форма обучения: обязательная.

Срок прибытия: немедленно.

Первичный обряд меры должен быть проведён до рассвета.

Отказ от обряда невозможен.

Сохранение тайны магического мира является первым законом».

Виолетта дочитала до конца и спокойно сложила лист.

Очень спокойно.

Так спокойно, что даже Малина посмотрела на неё с интересом.

— Нет, — сказала Виолетта.

На листе появилась новая строка.

«Отказ невозможен».

— Я умею читать.

Строка потемнела.

— Это не приглашение, — сказала Виолетта. — Это похищение с хорошей канцелярией.

Малина запрыгнула на стул.

— В сущности, да.

— И тебя это устраивает?

— Меня устраивает, когда меня кормят вовремя. Остальное я оцениваю по обстоятельствам.

— Обстоятельства следующие: я не поеду неизвестно куда с неизвестно кем, потому что бумага в воздухе считает себя законом.

Конверт сложился сам, поднялся выше и вспыхнул мягким фиолетовым светом.

Свет прошёл по кухне, коснулся стен, пола, окна, дверной ручки. На секунду квартира стала прозрачной. Не исчезла, а раскрылась слоями. За стеной кухни Виолетта увидела не соседнюю квартиру, а тёмный двор с каменными чашами. За окном не мокрую московскую улицу, а узкий мост над пропастью. Под потолком, там, где обычно собиралась тень от лампы, проступили тонкие линии, похожие на трещины.

В этих трещинах что-то шевельнулось.

Малина выгнула спину.

— Виолетта.

Она впервые произнесла её имя без насмешки.

Из трещины у потолка вытянулся палец.

Длинный, чёрный, слишком тонкий. Потом второй. По-

том ладонь.

Виолетта попятилась.

Комната стала холодной. Не зимней, не сквозняковой, а мёртвой. Вода в стакане на столе покрылась тонкой плёнкой льда. Осколки чашки на полу зазвенели. Из трещины полезла рука, за ней плечо, потом голова без лица, только глубокая тень под чёрной тканью.

Малина бросилась вперёд.

И изменилась.

Не выросла до чудовищных размеров, не стала другим зверем, не потеряла своей круглой серой важности. Но вокруг неё вспыхнуло янтарное сияние, а тень от кошки на полу стала огромной, гибкой, хищной, с ушами, похожими на острые листья.

Малина ударила лапой по воздуху.

Существо отдёргнулось.

Виолетта схватила со стола нож для бумаги. Маленький, серебристый, совершенно бесполезный против того, что вылезало из потолка. Но рука сама выбрала предмет, а держать что-то было лучше, чем не держать ничего.

— Что это?

— То, что пришло раньше них, — сказала Малина.

— Раньше кого?

— Тех, кто опоздал.

Существо снова потянулось вниз.

Виолетта подняла нож.

Серебристое лезвие вспыхнуло.

Не ярко, не красиво, не как в кино. Просто по металлу прошла тонкая линия света, как по краю рассвета. Виолетта вдруг почувствовала, что держит не нож, а вопрос. Острый, точный, давно заданный. И если направить его правильно, мир будет обязан ответить.

Она ударила не по руке существа, а по воздуху между ними.

— Уходи.

Слово вышло негромким, но кухня вздрогнула.

На стенах проступили тени дверей. На полу круги старых печатей. Магниты сорвались с холодильника и закружились вихрем. Существо рванулось вниз, но Виолетта вдруг увидела то, чего не было видно раньше: тонкую чёрную нить, протянутую от его груди куда-то за пределы квартиры.

Не думая, она перерезала её светящимся лезвием.

Существо беззвучно раскрыло рот.

Трещина на потолке схлопнулась, как закрытая книга. Холод исчез. Стакан с водой треснул. Магниты посыпались на пол.

Виолетта осталась стоять посреди кухни с ножом в руке.

Малина сидела рядом и тяжело дышала.

— Я его убила?

— Нет.

— Хорошо.

— Ты отрезала его от прохода.

— Это лучше?

— Ненадолго.

Виолетта медленно положила нож на стол.

Руки у неё не дрожали. Это удивляло. Где-то внутри всё дрожало, но руки оставались спокойными. Так бывало на сложных объектах, когда вокруг начинали спорить, шуметь, требовать невозможного, а она вдруг становилась холодной и очень ясной.

Сначала удержать конструкцию.

Потом разбираться, кто виноват.

— Мне нужны объяснения, — сказала она.

— Будут, — ответил чужой голос из прихожей.

Виолетта обернулась.

Зеркало, которое она поставила лицом к стене, снова висело на своём месте.

Перед ним стояли две женщины.

Они не вошли через дверь. Они будто уже давно были в квартире, а мир только сейчас разрешил их увидеть.

Обе были в тёмно-фиолетовых платьях официального кроя. Первая высокая, тонкая, с серебристой заколкой в гладко убранных волосах и лицом, на котором спокойствие выглядело почти опасным. Вторая мягче в чертах, теплее во взгляде, но не слабее. Рядом с первой воздух казался натянутым, рядом со второй осторожно освещённым.

— Фелисетт, — сказала первая.

— Фелиция, — сказала вторая.

— Вы опоздали, — сказала Малина.

Фелисетт посмотрела на кошку.

— Фамильяр проснулся полностью.

— Не благодаря вам.

— У нас была задержка на третьем зеркальном переходе.

— Мне всё равно.

Фелиция посмотрела на следы на потолке.

— Оно уже было здесь.

— Да, — сказала Виолетта. — И прежде чем кто-нибудь начнёт отдавать приказы, я хочу знать, что происходит.

Фелисетт перевела на неё взгляд.

— Происходит то, что ваш дар пробудился резко, открыто и слишком заметно. Вы нарушили Завесу.

— Я открыла шкаф.

— Для мира людей это одно и то же.

— Нет. Для мира людей шкаф — это шкаф.

— Именно поэтому мир людей не должен узнать, что за некоторыми шкафами бывают дороги.

Виолетта выдержала паузу.

— Что такое Завеса?

Фелиция ответила мягче:

— Заклятие, которое скрывает магический мир от человеческого. Обычные люди не видят наших домов, переходов, школ, рынков и существ. Они смотрят прямо на вход в Академию и видят закрытую дверь, ремонт, вывеску, случайную стену — то, что готовы объяснить.

— А я?

— А вы сегодня увидели больше, чем должны были видеть необученной.

— И за это меня решили забрать?

— За это вас должны защитить, — сказала Фелиция.

— От кого?

Фелисетт посмотрела на потолок.

— От тех, кто уже почувствовал ваш дар.

Виолетта сложила руки на груди.

— Конечно. Лучший способ защитить взрослого человека

— появиться у него в прихожей и объявить, что отказ невозможен.

— Нет, — сказала Фелисетт. — Лучший способ был забрать вас час назад. Но вы сняли зеркало.

Малина тихо фыркнула.

Фелиция шагнула ближе.

— Нам не нужно ваше доверие прямо сейчас. Только ваше благоразумие. Существо, которое пришло за вами, не было случайным. Поздние маги пробуждаются редко. Сильные поздние маги — ещё реже. Те, кто охотится за такими дарами, не ждут, пока человек поверит.

— Я не маг.

— Уже да.

— Я не давала согласия.

— Дар не спрашивает согласия, — сказала Фелисетт. —

Обряд нужен именно поэтому.

Эта фраза Виолетте не понравилась больше всего. В ней было слишком много правды, сказанной слишком неудобным тоном.

— Что за обряд?

Фелиция и Фелисетт переглянулись.

Коротко. Почти незаметно.

Но Виолетта это увидела.

— Первичный обряд меры, — сказала Фелиция. — Он помогает дару не разрушить носителя и не оставить открытый след.

— Красиво звучит.

— Это правда.

— Не вся.

Фелисетт чуть прищурилась.

— Вы ещё не знаете, где вся правда.

— Зато уже вижу, где её обходят.

В кухне снова стало тихо. Только тикали часы, хотя после всего произошедшего Виолетта была не уверена, что они всё ещё показывают человеческое время.

Фелиция ответила первой:

— Обряд не забирает дар.

— А что он делает?

— Ставит границу.

— Чью?

— Вашу.

— Без моего согласия?

Фелисетт сказала ровно:

— До рассвета согласие не является главным условием.

Виолетта медленно повернулась к ней.

— Повторите.

— Если поздний дар остаётся без меры дольше первой ночи, он начинает открывать случайные проходы. Через них могут прийти не только те, кто охотится на вас. Могут пострадать люди вокруг. Ваши соседи, прохожие, коллеги, любой, кто окажется рядом с трещиной. Первый закон защищает не комфорт мага, а тайну и безопасность мира людей.

— Удобный закон.

— Не удобный, — сказала Фелисетт. — Старый.

— Иногда это одно и то же.

На лице Фелисетт впервые появилось что-то похожее на интерес.

— Хорошо. Значит, вы будете спорить не только от страха.

— Я вообще редко спорю от страха.

— Заметно.

Фелиция подняла руку, и осколки чашки на полу собрались в аккуратную кучку у стены. Виолетта отметила это, хотя старалась не смотреть слишком внимательно. В её положении было важно сохранять лицо, но не глупость. Магия существовала. По крайней мере, достаточно убедительно, чтобы перестать объяснять всё усталостью.

— Нам нужно идти, — сказала Фелиция. — Сейчас.

— Мне нужно взять вещи.

— Нельзя долго оставаться здесь. Чем дольше открыт след, тем легче им найти квартиру.

— Тогда закройте след.

— Его можно закрыть только из Академии, после регистрации дара и фамильярной связи.

Виолетта посмотрела на Малину.

— Фамильярная связь — это мы?

— Да, — сказала кошка.

— Ты могла бы сказать мне раньше.

— Я говорила. Ты называла это «не садись на документы».

Виолетта почти улыбнулась.

Почти.

— У меня работа. Дом. Обязательства.

— Всё это останется, — сказала Фелиция. — Мы не забираем вас из жизни. Мы забираем вас из опасности. Мир людей не узнает о магии. Ваше отсутствие будет прикрыто. Для всех оно будет выглядеть естественно.

— Как именно?

— Срочный проект, командировка, болезнь, семейные обстоятельства. Завеса умеет быть убедительной.

— Мне не нравится, когда кто-то правит моей жизнью без разрешения.

— Тогда учитесь быстрее, — сказала Фелисетт. — Чем быстрее пройдёте первичный обряд и стабилизируете след, тем скорее сможете возвращаться в человеческий мир. Под

наблюдением сначала. Потом самостоятельно.

— Под наблюдением.

— Первый закон важнее вашего удобства.

— Моё удобство здесь вообще никого не интересует.

— Сейчас нет.

Фелиция бросила на сестру короткий взгляд, но не стала спорить.

Виолетта вдруг почувствовала усталость.

Не страх — именно усталость. Взрослую, сухую усталость от ситуаций, где ты ещё ничего не решила, а другие уже составили график, поставили печать и сообщили срок исполнения. Раньше это были заказчики, комиссии, управляющие компании, люди со срочными просьбами и отсутствием ответственности. Теперь — ведьмы в тёмно-фиолетовых платьях и древний закон о тайне магического мира.

Она прошла в спальню.

Фелисетт двинулась следом.

— Быстро.

— Я поняла.

— Ничего металлического с открытым зеркальным следом.

— Что это значит?

— Не берите больших зеркал, старых ключей, чужих колец и ножей.

— Жаль. Я собиралась собрать коллекцию.

Фелиция тихо сказала из коридора:

— Возьмите тёплую вещь, документы, удобную обувь. И то, что вам дорого.

Виолетта открыла шкаф.

На этот раз там была одежда. Обычная, молчаливая, почти трогательная своей покорностью. Она достала небольшую сумку. Положила паспорт, телефон, зарядку, тёплый свитер, расчёску, флакон духов, тетрадь, ручку.

Потом задержалась у шкаτούлки.

Внутри лежал маленький перламутровый кулон.

Она считала его потерянным много лет. Он нашёлся утром в чашке для мелочи, хотя Виолетта точно помнила, что не видела его с институтских времён. Тогда она решила, что когда-то убрала и забыла. Теперь это объяснение встало в очередь за всеми остальными объяснениями, которым больше нельзя доверять.

Она взяла кулон.

Фелисетт заметила.

— Предмет возвращения?

— Видимо.

— Возьмите обязательно.

— Вы всё обо мне знаете?

— Недостаточно. Иначе пришли бы раньше.

Виолетта закрыла сумку.

Малина в прихожей уже сидела рядом со своей переноской.

— Нет, — сказала кошка.

— Даже не начинай.

— Я не поеду в клетке.

— Это переноска.

— Это клетка с ручкой.

Фелиция наклонилась к Малине.

— Фамильяры проходят самостоятельно.

Малина посмотрела на Виолетту с молчаливым торжеством.

— Разумеется, — сказала Виолетта. — Как я могла сомневаться.

В прихожей зеркало снова ожило. Поверхность потемнела, стала глубокой, как вода ночью. За ней мерцал тот самый зал, только теперь ближе. Виолетта увидела высокие стены, лестницу, людей в тёмно-фиолетовой форме, огромные часы без стрелок и стаю маленьких огней под потолком.

— Пройдёте за нами, — сказала Фелисетт. — Не оглядывайтесь в середине перехода. Не называйте своего полного имени. Не выпускайте фамильяра из поля зрения.

— Полного имени у меня никто не спрашивал.

— И не спрашивайте, почему.

— Восхитительно.

Фелиция подошла первой к зеркалу.

— Малина.

Кошка поднялась, потянулась, будто переход в другой мир был обычной прогулкой до кухни, и первой шагнула в стекло. Поверхность разошлась вокруг неё мягкими кругами.

Серый хвост исчез последним.

Виолетта почувствовала, как внутри всё сжалось.

Она не любила, когда за неё решают. Не любила, когда её подгоняют. Не любила, когда правила сообщают после того, как игра уже началась. Но она ещё больше не любила закрывать глаза на очевидное.

А очевидное было простым: за её шкафом был коридор. В зеркале — зал. Её кошка говорила. В потолке открывалась трещина, из которой тянулось нечто чёрное. И если она останется здесь из гордости, то, возможно, следующей ночью уже не успеет поднять нож.

Она взяла сумку.

— Я иду не потому, что согласна.

Фелисетт кивнула.

— Согласие для обряда оформим после первичной регистрации.

— Это была шутка?

— Нет.

Фелиция всё-таки улыбнулась.

Виолетта подошла к зеркалу.

На секунду она увидела своё отражение. Женщина сорока одного года. Карие глаза, прямой взгляд, тёмно-русые волосы с фиолетовыми прядями. Не девочка на пороге приключения. Не потерянная героиня, которую нужно спасти. Взрослый человек, у которого только что отняли право делать вид, что невозможного не существует.

Она шагнула вперёд.

Стекло оказалось тёплым.

Мир свернулся.

Не исчез, не взорвался, не закружился красивым вихрем.

Просто прихожая стала узкой, длинной, бесконечной. Стены вытянулись вверх. Свет лампы превратился в тонкую золотую линию. Где-то рядом шла Фелиция, впереди мелькал серый хвост Малины, за спиной ровно и бесшумно двигалась Фелисетт.

Виолетта не оглядывалась.

Ей очень хотелось.

Она не оглядывалась.

Под ногами на миг появился мокрый асфальт, потом каменные плиты, потом деревянный пол, потом что-то похожее на плотный туман. Вдалеке звучали голоса. Один смеялся. Другой шептал незнакомые слова. Третий звал кого-то по имени, но имя рассыпалось прежде, чем Виолетта успела его понять.

Потом переход кончился.

Она вышла в зал.

Первым ощущением был воздух.

Он был другим. Плотнее, глубже, как будто в нём растворили дождь, свечной дым, старую бумагу, травы и ночной сад. Виолетта вдохнула и вдруг поняла, что все последние годы дышала чем-то более тонким, разбавленным, будто мир людей экономил на настоящем воздухе.

Зал был огромный.

Высокие окна уходили почти под потолок. За ними не было московского двора. Там темнели башни, мосты, деревья с серебристыми листьями и далёкие огни, висящие в воздухе без проводов. По стенам горели светильники, похожие на закрытые цветы. На полу лежал тёмный камень, отполированный тысячами шагов. В глубине поднималась широкая лестница, и ступени время от времени меняли направление, будто раздумывали, куда сегодня вести.

Люди в тёмно-фиолетовой форме проходили мимо, бросая на Виолетту короткие взгляды. Женщины в платьях, мужчины в костюмах. Никто не задерживался надолго, но почти все замечали Малину.

Малина сидела посреди зала и выглядела совершенно довольной.

— Добро пожаловать, — сказала Фелиция тихо.

Виолетта не ответила.

Над входом висела надпись, вырезанная в камне. Буквы были старые, но понятные.

«Академия позднего волшебства».

Под надписью, ниже, другой рукой было добавлено:

«Первый закон — тайна.

Второй закон — мера.

Третий закон — ответственность».

— Красиво, — сказала Виолетта. — И слегка угрожающе.

— Хорошее образование всегда слегка угрожающе, —

сказала Фелисетт.

К ним спешила женщина с пачкой бумаг в руках. Невысокая, собранная, с таким лицом, при котором даже пыль, вероятно, ложилась ровнее. На ней тоже было тёмно-фиолетовое платье. Вокруг неё в воздухе двигались перо, печать и маленькая чернильница.

— Наконец-то, — сказала она. — Регистрация сорвана, первичный протокол нарушен, фамильяр активирован до подписания формы, зеркальный переход использован в жилом помещении мира людей, след открыт, обряд меры не проведён. Прекрасное начало.

— Людмила, — сказала Фелиция, — у нас было нападение.

— Я вижу. Поэтому пока не кричу.

Людмила посмотрела на Виолетту.

— Имя?

— Виолетта.

— Возраст?

— Сорок один.

Перо само записало.

— Фамильяр?

Малина подняла голову.

— Малина.

Перо замерло.

Людмила посмотрела на кошку.

— Говорящий фамильяр с полным пробуждением. Ещё

лучше.

— Я не для вашего удобства пробудилась, — сказала Малина.

— Обычно никто не пробуждается для моего удобства. Именно поэтому у меня столько бумаг.

Виолетта вдруг почувствовала, что ей хочется сесть. Не от слабости. От перегруза. Слишком много всего держалось на тонкой нитке самообладания: шкаф, зеркало, письмо, существо, переход, зал, говорящая кошка, женщина с летающей чернильницей. Нитка не рвалась, но уже неприятно звенела.

Фелиция заметила это.

— Вам нужно в комнату.

— Мне нужно понять, где я и что со мной будет.

— Это тоже. Но сначала комната.

— Нет.

Фелисетт чуть повернулась.

— Что нет?

— Я не буду идти дальше, пока мне не скажут главное. Я пленница?

В зале стало чуть тише.

Или ей показалось.

Людмила перестала листать бумаги.

Фелиция ответила не сразу.

— Нет.

— Тогда я могу уйти?

— Сейчас нет, — сказала Фелисетт.

— Значит, пленница.

— Ученица под защитным ограничением.

— Это разные слова для одного замка.

Фелисетт подошла ближе. Её лицо оставалось спокойным, но взгляд стал жёстче.

— Если вы выйдете из Академии до первичного обряда, след от вашего пробуждения потянется за вами в мир людей. Те, кто пришёл сегодня, найдут не только вас. Они найдут ваш дом, соседей, улицу, людей, которые случайно окажутся рядом. Завеса закроет их глаза, но не защитит их тела. Вы можете считать себя пленницей, если так вам проще злиться. Но мы удерживаем вас здесь не ради власти над вами.

Виолетта молчала.

Злиться и правда было проще.

Но она слишком хорошо различала, когда человек прикрывается ответственностью, а когда несёт её, пусть даже неприятно и грубо. Фелисетт не оправдывалась. Не просила понимания. Просто ставила перед ней факт, тяжёлый и холодный.

— Сколько времени у меня есть до обряда?

Людмила посмотрела на огромные часы без стрелок.

— Меньше пяти часов. Если Академия не начнёт спорить со временем, а она сегодня уже в настроении.

— Что будет на обряде?

Фелиция мягко сказала:

— Ваш дар получит меру. Фамильярная связь будет при-

знана. След от пробуждения закроют.

— А что будет со мной?

На этот раз ответила Фелисетт:

— Если всё пройдёт правильно, вы останетесь собой.

Виолетта посмотрела на неё внимательно.

— А если неправильно?

— Поэтому мы и торопимся.

Это был не ответ.

И именно поэтому Виолетта его запомнила.

Они пошли через зал.

Виолетта держала сумку крепко, но не вцеплялась. Малина шла рядом, хвост поднят, шаг уверенный. На них смотрели. Не откровенно, не грубо, но смотрели. Позднее поступление, внезапное пробуждение, говорящий фамильяр, незавершённый обряд — Виолетта пока не знала местных правил, но уже понимала, что вошла не тихо.

Лестница под ногами изменила направление, когда они ступили на третью ступень.

Виолетта остановилась.

— Она двигается.

— Да, — сказала Людмила.

— Почему?

— Не любит однообразие.

— У лестницы есть предпочтения?

— У всех старых вещей есть предпочтения. Просто в мире людей вы делаете вид, что не замечаете.

Лестница подняла их не туда, куда вела сначала, а к узкому коридору с высокими окнами. За окнами был сад. Ночной, серебристый, с деревьями, на которых вместо плодов висели маленькие закрытые фонари. Между деревьями мелькали существа: что-то крылатое, что-то рогатое, что-то совсем маленькое, похожее на комок мха с глазами.

Малина остановилась у окна.

Одно из существ в саду остановилось тоже. Оно было похоже на лисицу, если бы лисицу нарисовал человек, который видел лисиц только во сне: слишком длинные лапы, две тени вместо одной, белые глаза. Существо поклонилось Малине.

Малина едва заметно кивнула в ответ.

— Ты его знаешь? — спросила Виолетта.

— Нет.

— Тогда почему оно тебе кланяется?

— Хорошее воспитание.

Людмила хмыкнула.

Коридор закончился дверью из тёмного дерева. На двери не было номера. Только маленькая медная пластина, пока пустая.

Фелиция провела пальцами по пластине. На ней проявилось имя:

«Виолетта».

Ни фамилии, ни отчества.

— Здесь используют только имена, — сказала Фелиция.

— Фамилии слишком легко привязывают к миру людей. А

полные имена имеют силу.

— Удобно. Ещё один повод ничего не объяснять.

— Вы быстро учитесь.

Комната открылась сама.

Виолетта вошла и неожиданно замолчала.

Это была небольшая башенная комната с высоким окном.

Не роскошная, не сказочно-избыточная, не похожая на декорацию. В ней было что-то точное, почти личное. Кровать у стены. Стол у окна. Шкаф. Полка для книг. Низкое кресло. Тёмно-зелёное покрывало. Медная лампа. Небольшой камин, в котором горел спокойный синий огонь. На подоконнике стоял пустой горшок с землёй.

В углу, на отдельной подушке, лежала маленькая карточка:

«Для фамильяра».

Малина подошла, обнюхала подушку и сдержанно одобрила.

Из окна открывался вид на крыши Академии и сад. Дальше, за высокими стенами, светился магический город: неярко, глубоко, как будто его огни горели под водой.

Виолетта поставила сумку на пол.

Ей не хотелось признавать, что комната хорошая.

Но она была хорошая.

Фелиция заметила это и ничего не сказала.

Людмила положила на стол несколько листов.

— Расписание получите утром. Форма в шкафу. Женская

форма — тёмно-фиолетовое платье. Носить обязательно на занятиях, в залах и при переходах. Подробности в правилах. Нарушать правила не советую: Академия помнит тех, кто пробовал.

— Форма, — повторила Виолетта.

— Да.

— Мне сорок один.

— Академии больше.

Малина запрыгнула на подоконник.

— Справедливо.

Людмила продолжила:

— До обряда комнату не покидать без сопровождения. В зеркало не смотреть дольше трёх секунд. Окно не открывать. С фамильярским проходом не спорить.

— С чем?

В стене у пола тихо щёлкнула маленькая дверца, которой секунду назад не было.

Малина тут же заинтересовалась.

— Не сегодня, — сказала Виолетта.

— Сегодня, — сказала Малина.

— Малина.

— Я должна осмотреть территорию.

— Ты должна не исчезнуть в первый же вечер.

— Это человеческая постановка вопроса.

Людмила посмотрела на кошку.

— Фамильярский проход откроется полностью после пер-

вичной регистрации. До тех пор он ведёт только в общий коридор фамильяров. Оттуда не сворачивать.

— Я не ребёнок, — сказала Малина.

— Именно поэтому предупреждаю один раз.

Малина прищурилась, но промолчала.

Фелисетт, стоявшая у двери, наконец сказала:

— Обряд начнётся перед рассветом. До этого вас осмотрят преподаватель меры и хранитель фамильярных связей. Если почувствуете холод под кожей, услышите своё имя из стены или увидите дверь без ручки, зовите сразу.

— Дверь без ручки?

Фелиция едва заметно напряглась.

Людмила быстро подняла перо, будто собиралась что-то записать, потом передумала.

Фелисетт ответила после короткой паузы:

— Просто зовите.

— Это не объяснение.

— Это предупреждение.

Виолетта посмотрела на всех троих.

— Вы все сейчас сделали вид, что я не заметила вашу реакцию.

— Я ничего не делала вид, — сказала Людмила. — У меня на это нет времени.

Фелиция подошла к двери.

— Постарайтесь поспать хотя бы час.

Виолетта почти рассмеялась.

— Конечно. После говорящей кошки, зеркального похищения, существа из потолка и обряда, на котором я должна остаться собой, сон — очевидное решение.

— Иногда самые очевидные решения работают лучше магии.

— Это вы сейчас как преподаватель говорите?

— Как человек, который видел много первых ночей.

Фелисетт вышла первой. Людмила за ней, оставив бумаги на столе. Фелиция задержалась на пороге.

— Виолетта.

— Да?

— Вы не слабы. Поэтому вам будет труднее.

— Странное утешение.

— Я не утешаю. Предупреждаю.

Она закрыла дверь.

Щёлкнул замок.

Виолетта подошла и взялась за ручку. Дверь не открылась.

— Защитное ограничение, — сказала Малина с подоконника.

— Не начинай.

— Я только называю вещи своими именами.

— Это называется заперли.

— Тоже верно.

Виолетта отошла от двери.

Комната была тёплой. Слишком тёплой для места, куда её привели против воли. На столе лежали правила. В шка-

фу, судя по всему, ждала тёмно-фиолетовая форма. За окном сиял мир, о котором люди не знали и не должны были узнать. В стене у пола была дверца для фамильяра. В зеркале над умывальником темнела поверхность, и Виолетта старательно не смотрела в неё дольше трёх секунд.

Она села на край кровати.

Малина прыгнула с подоконника и подошла к ней.

Виолетта положила ладонь ей на спину. Шерсть была тёплой, настоящей, знакомой. Из всех невозможных вещей этого вечера Малина оставалась самой реальной.

— Ты знала, что это случится?

— Нет.

— Но знала, что что-то есть.

— Да.

— Почему молчала?

Малина помолчала.

— Потому что я была просто кошкой. Почти.

— А теперь?

Кошка подняла на неё янтарные глаза.

— Теперь я твой фамильяр.

Слово прозвучало странно. Не смешно, не торжественно. Просто правильно. Как будто где-то внутри Виолетты давно было пустое место, и это слово вдруг легло туда с тихим щелчком.

— Обряд опасен?

— Да.

— Для тебя?

— Для нас обеих.

Виолетта погладила её медленно, от головы к хвосту.

— Они сказали, что он ставит границу.

— Границы бывают разными.

— Ты знаешь, что он делает на самом деле?

— Нет. Но мне не понравилось, как они произнесли слово «мера».

Виолетта посмотрела на бумаги на столе.

Первый лист назывался «Учебный распорядок для поздних магов. Первый день».

Ниже, отдельной строкой, было написано:

«Не пытайтесь доказать, что вы не маг. Это замедляет обучение и раздражает лестницы».

Виолетта прочитала фразу дважды.

Потом взяла второй лист.

Он был плотнее, холоднее на ощупь. На нём не было расписания. Только заголовок, выведенный аккуратным канцелярским почерком:

«Памятка для проходящих первичный обряд меры».

Ниже шли правила.

«Во время обряда не сопротивляться.

Не называть полного имени.

Не отпускать фамильяра.

Не отвечать на голоса, звучащие из круга.

Не принимать чужую руку, если не видите лица.

При появлении двери без ручки немедленно сообщить старшему проводнику обряда».

Виолетта долго смотрела на последнюю строку.

— Малина.

— Да?

— Они снова написали про дверь без ручки.

Кошка подошла ближе и посмотрела на лист.

— Вижу.

— И никто не хочет объяснять, что это такое.

— Значит, это важно.

— Или опасно.

— Обычно это одно и то же.

Виолетта положила лист обратно.

За окном Академия дышала ночным светом. По дорожке в саду шла группа студентов в тёмно-фиолетовой форме. Над ними летели маленькие светящиеся существа. Где-то далеко пробили часы, хотя стрелок у них не было. Башня напротив медленно повернула верхний ярус, будто устраивалась удобнее перед ночью.

Мир людей ничего не знал.

Там, за Завесой, в её квартире, наверное, ещё горела лампа на кухне. На полу лежали магниты. В раковине стояла невымытая миска. Завтра кто-то будет ждать её ответа на письмо, кто-то отчёт, кто-то присутствия на объекте. И всё это каким-то образом будет прикрыто чужой магией, чужим законом, чужим решением.

Виолетта не собиралась с этим мириться.

Но сначала ей нужно было понять правила.

Она подошла к окну и положила ладонь на холодное стекло.

В пустом горшке на подоконнике вдруг шевельнулась земля.

Очень тихо.

Так тихо, что это можно было бы принять за усталость, если бы усталость уже не была самым слабым из доступных объяснений.

Из земли показалась тонкая зелёная линия.

Первый росток появился без звука.

Малина открыла один глаз.

— Это твоё?

— Не знаю.

Росток чуть повернулся к Виолетте.

И в голове у неё прозвучало не слово, а ощущение. Слабое, шуршащее, как лист, который ещё не успел стать листом.

«Вернуть».

Виолетта отняла руку от стекла.

— Что он сказал? — спросила Малина.

Виолетта посмотрела на дверь, на правила обряда, на синее пламя в камине и на росток, который появился там, где ещё минуту назад была пустая земля.

— Кажется, — сказала она, — завтра будет не только тя-

жёлый день.

Кошка устроилась рядом на подушке для фамильяра, поджав лапы.

— Зато не скучный.

Виолетта впервые за вечер улыбнулась по-настоящему.

— Скуки я как раз не боялась.

За стеной что-то тихо прошептало. Может быть, трубы. Может быть, старый камень. Может быть, Академия, которая прислушивалась к новой ученице.

Виолетта погасила лампу.

Синий огонь в камине остался гореть.

В комнате стало темно и тепло.

И только когда Виолетта легла, не закрывая глаз, на внутренней стороне двери проступила едва заметная линия.

Не ручка.

Не замок.

Просто очертание двери внутри двери.

Малина подняла голову.

— Не смотри.

— Поздно.

Линия исчезла.

Виолетта лежала неподвижно и слушала, как за стенами Академии движется

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.